

ОН СЧИТАЛ ЕЕ НАВАЖДЕНИЕМ,
А ОНА БЫЛА ЕГО СУДЬБОЙ.

ЛЕНА
БОНД

18+

Его
НАВАЖДЕНИЕ

Лена Бонд
Осколки первой
любви. Его наваждение
Серия «Стеклянное сердце»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73895502
ISBN 978-5-04-246779-0

Аннотация

Заключительная часть дилогии «Осколки первой любви» про любовь, которая не сломалась под ударами судьбы.

Руслан Раевский привык побеждать. На ринге, в бизнесе, в жизни. Лишь раз он допустил ошибку, за которую не может себя простить: в попытках уберечь Анну Богданову – единственную девушку, ставшую его наваждением, – он жестоко ее оттолкнул.

Аня уехала в Москву. И Руслан убеждал себя, что это к лучшему. Пока спустя пять лет не увидел девушку в супермаркете родного города.

Он готов на все, чтобы завоевать доверие Ани: оплатить лечение ее больной матери, устроить к себе на работу, поддерживать и защищать.

А защита ей потребуется, так как за каждым их шагом следит хищник, для которого месть – единственный смысл существования.

Сможет ли Руслан уберечь Аню во второй раз или тайна, которую он хранил пять лет, уничтожит последнюю надежду на любовь?

«На хрупкие плечи Ани лягут боль, страх и обман. Ее душа будет отчаянно страдать, кричать и бежать вперед, чтобы убедиться, что жизнь – не сказка, но и в ней можно найти свой причал и остаться сильной. Аня и Руслан докажут нам, что, несмотря на боль, несмотря на осколки разбитых сердец, всегда есть шанс возродиться и создать новую счастливую реальность. Готовьтесь к глубокой печали, тихим слезам и громкому счастью». – Саша Череди́на, автор канала [cheredinabooks](#)

Иллюстрация на переплёте от художницы ChVк.

Содержание

Глава 1. Анна Богданова	6
Глава 2. Анна Богданова	11
Глава 3. Анна Богданова	26
Глава 4. Анна Богданова	43
Глава 5. Анна Богданова	50
Глава 6. Анна Богданова	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Лена Бонд

Осколки первой любви. Его наваждение

© Лена Бонд, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Посвящается моей маме, которая так никогда
и не узнает, что ее дочь стала писателем*

Глава 1. Анна Богданова

– Никаких «мы» нет, Аня. И никогда не было, – ледяной, равнодушный голос Руслана словно кинжалом пронзает меня насквозь, разрывая и без того истерзанную душу на части.

– Слушай, Руслан, если Аня тебе не нужна, может, я ее себе возьму? – с ядовитой ухмылкой протягивает его друг, будто речь идет о какой-то брошенной вещи.

– Мне все равно...

В ужасе распахиваю глаза, вырываясь из объятий кошмарного сна, как утопающий из толщи воды. Сердце бешено колотится, рискуя проломить ребра, а в горле застывает беззвучный крик. Вдох. Выдох. Вдох. Это просто сон, призрак прошлого, который не имеет власти надо мной. Ничего этого нет, все давно осталось позади, *его* больше нет в моей жизни и никогда не будет.

Приподнимаюсь на кровати и дрожащими пальцами хватаю телефон с тумбочки – время 06:28, хотя будильник стоит на семь утра. Понимаю, что нет смысла ложиться досыпать, да и вряд ли я смогу уснуть после такого кошмара.

Он ни разу мне не снился за последние пять лет, и я мысленно благодарила судьбу за это милосердие. Было бы невыносимо видеть по ночам лицо человека, которого ты больше

всего на свете хочешь стереть из памяти.

Руслан Раевский... Имя, которое я пыталась вытравить из сердца каленым железом. Он ворвался в мою жизнь внезапно. Словно разрушительный ураган, снес все на своем пути, бесцеремонно забрал мое сердце, а потом безжалостно растоптал его и швырнул обратно, как никчемную вещицу, – искалеченное, изломанное, ненужное. А ведь все вокруг твердили мне, что Руслан не влюбляется, он просто использует девушек, а потом бросает, наигравшись. Но я не верила никому, кроме него. Мне казалось, что со мной он другой, я для него – особенная, но, к сожалению, очень быстро жизнь все расставила на свои места. Не просто дала мне отрезвляющую пощечину, а полностью меня уничтожила, испепелила дотла.

Я плохо помню тот период. Говорят, что иногда мозг блокирует травмирующие воспоминания. Думаю, это мой случай. Но до сих не могу забыть его пустые равнодушные карие глаза в тот день, когда он прилюдно отказался от меня и втоптал в грязь мою любовь. Именно эти глаза я и видела сегодня во сне...

Постепенно пульс приходит в норму, и я успокаиваюсь. Мало ли что может присниться. У меня уже давно другая жизнь, и в ней нет места болезненным воспоминаниям из прошлого. Настоящее – вот что сейчас имеет наибольшую ценность.

Сегодня особенный день – через несколько часов я офи-

циально заканчиваю университет и получаю такой желанный диплом юриста одного из престижных московских вузов. Впереди – долгожданный отпуск на море, о котором я давно грезила, на который копила весь прошлый год. А еще – стажировка в компании моей мечты. Я выстроила эту жизнь по кирпичику, своими руками, из пепла себя прежней. . .

А осенью, если все сложится, я наконец-то увижу маму. Я сама оплачу ей перелет и проживание, лишь бы она приехала. Уже представляю, как покажу ей Москву, свою новую жизнь, в которой наконец-то счастлива. Безумно по ней скучаю, ведь в последний раз мы виделись три года назад, когда она приезжала в гости на новогодние праздники. Корю себя за то, что видимся так редко, но сама не планирую возвращаться в родной город. По крайней мере не сейчас. У мамы нет возможности прилетать чаще чем раз в несколько лет, особенно после того, как мой брат женился, у него родилась дочь и мама стала бабушкой. Да, у меня есть чудесная племянница – Дашенька, но я не уверена, знает ли она обо мне, потому что отношения с ее отцом у нас, мягко говоря, сложные. Если быть точнее – их вообще нет.

За пять лет ни единого звонка или сообщения. Лишь переданные через маму дежурные поздравления с днем рождения или Новым годом, сказанные больше для приличия, чем от души. Мы никогда не ладили, и в какой-то момент я просто приняла, что у меня нет брата. Особенно после того, как он стал поднимать на меня руку и мне приходилось стыдливо

прятать синяки от окружающих. Сейчас, спустя время, понимаю, что не стоило терпеть его издевательства. Надо было рассказать все маме. Кто знает, чем бы все это закончилось, если бы не Руслан.

Черт! Опять он в моих мыслях! Как убийственный токсин, просачивающийся сквозь трещины в стене, которую я так старательно строила все эти годы. Я не знаю, что с ним и где он, как сложилась его жизнь после предательства. И, если честно, не хочу знать. Этого человека для меня больше не существует.

Чтобы окончательно прийти в себя и стереть из памяти остатки ночного кошмара, я встаю с кровати и иду в ванную. Завтра я должна собрать вещи и съехать из общежития, в котором жила последние пять лет. Моя соседка еще месяц назад сделала это и переехала жить к своему парню, а я этот момент оттягиваю до последнего, хотя парень у меня тоже есть.

Его зовут Кирилл. Мы познакомились на Дне первокурсника в первый год моего обучения и через несколько месяцев начали встречаться. Иногда я сама удивляюсь, как смогла так быстро вступить в отношения после столь болезненного разрыва, но потом понимаю, что для меня это было просто жизненно необходимо. Именно Кирилл спас меня. От всего: от самокопания, от тяги к саморазрушению, от мучительных мыслей о первой неудачной любви, от одиночества. Первые месяцы после поступления были очень сложными для

меня. Одна в огромном незнакомом городе, с напрочь сбитыми жизненными ориентирами и уничтоженной самооценкой. А Кирилл и его семья быстро приняли меня как родную. И именно с ними я почувствовала то, чего мне не хватало долгие годы, – безопасность, поддержку, любовь, родительскую заботу и внимание. Я дала себе шанс стать счастливой и позволила снова поверить в то, что могу быть любимой. Что я достойна этой любви.

Возвращаюсь в комнату и слышу звук нового уведомления на телефоне. Наверняка это Кирилл с его неизменным «*Доброе утро, солнышко*». Он всегда пишет мне сообщения по утрам, когда мы ночуем не вместе. Но вместо этого вижу имя, от которого холодеет кровь: «Брат». Пять лет молчания, и тут вдруг...

Я беру мобильный в руки, ощущая острый приступ тревоги. Захожу в мессенджер и замираю, когда вижу сообщение:

У матери insult. Срочно приезжай.

Пять слов, которые переворачивают всю мою жизнь с ног на голову.

Пять лет назад я сбежала из родного города, чтобы забиться, выжить, начать все с чистого листа. Знаете, у меня ведь почти получилось. Но теперь я должна вернуться туда, где за каждым углом притаились призраки прошлого. В город, где, возможно, до сих пор живет Руслан Раевский. Справится ли мое сердце?

Глава 2. Анна Богданова

Дрожащими от волнения пальцами пытаюсь позвонить брату, но руки слушаются с трудом. Сердце колотится уже где-то в горле, перекрывая дыхание, а в голове пульсирует и кричит одна-единственная мысль: *«Мама, мамочка, только держись, пожалуйста, держись»*.

В трубке разливаются гудки, такие холодные и безразличные. Один, второй, третий... Но в ответ лишь пустота, тишина. Брат не берет трубку, и каждая секунда ожидания растягивается в вечность.

– Ну же, Стас, ответь, – шепчу я сквозь стиснутые зубы, нервно меря шагами крохотную комнату общежития. Пять шагов туда, пять обратно. Туда-обратно. Чувствую себя, как зверь в клетке.

– Да! – наконец-то поднимает трубку он, и его голос звучит резко и раздраженно, словно я отвлекаю его от какого-то важного дела.

– Стас! – выдыхаю я, чувствуя, как дрожит голос. – Что с мамой? Как она? Где она сейчас?

– Наконец-то соизволила позвонить, – слышу знакомую язвительность, от которой по привычке все сжимается внутри. – Тебе надо немедленно приехать домой. Слышишь? Немед-лен-но.

– Скажи мне, что с мамой! – Мой голос практически сры-

вается на крик. – Пожалуйста, Стас!

– А что с ней будет? – Он повышает тон, и каждое слово бьет, как пощечина. – Инсульт у нее! Пока ты там в своей Москве прохлаждаешься. Бросила мать, а теперь заботливую дочь из себя строишь! Все, Ань, нашла, пожила для себя, пора и о матери подумать.

Его слова вонзаются в меня, как отравленные стрелы. Чувствую, как внутри поднимается обжигающая волна гнева, смешанного с паникой, затапливая все мое существо.

– Стас, хватит! – кричу я в трубку так громко, что саднит горло. – Я спрашиваю, что с мамой, и не собираюсь выслушивать твои обвинения! Что говорят врачи? В какой она больнице? Насколько все серьезно? Отвечай мне сейчас же!

На другом конце линии повисает тяжелая, вязкая тишина. Я слышу, как Стас напряженно дышит, словно собирается с мыслями.

– Все серьезно, – наконец произносит он, и в его голосе впервые за весь разговор слышится что-то человеческое, похожее на беспокойство. – Врачи говорят, что у нее сильное кровоизлияние в мозг. Она будет жить, но... у нее парализована вся левая сторона тела. И она почти не может говорить.

В эту секунду мир вокруг меня замирает. Звуки исчезают, краски блекнут. Холод простреливает позвоночник, и я медленно, словно во сне, опускаюсь на край кровати, не в силах устоять на ногах. Комната кружится перед глазами. Как такое вообще возможно? Еще позавчера вечером мы с ней

разговаривали, и ее голос был полон жизни, мама смеялась, делилась планами сводить внучку в игровую комнату на выходных. Рассказывала о новом сорте орхидей, который посадила на прошлой неделе. А сегодня она парализована и не может говорить.

– Это случилось вчера вечером, – продолжает Стас, и его голос будто доносится издалека. – Я на работе был, Лера пришла с Дашей домой и нашла ее на полу. Вызвала скорую. Если бы не она...

Он не заканчивает фразу, но в моей голове она звучит со всей беспощадной ясностью. Если бы не его жена, мама могла умереть. Одна. На полу. В своей же квартире, которую она делит с сыном и его семьей. От одной этой мысли внутри все леденеет, а к горлу подкатывает тошнота.

– Так вот, Аня. – Голос Стаса снова становится жестким, как наждачная бумага. – Когда ты приедешь? У меня семья, работа, я не могу сидеть с ней сутками, и Лера не сможет. А ты как раз закончила свое обучение, так что самое время вернуться и позаботиться о матери. Кто, если не ты?

Я устало закрываю глаза. Сегодня должен был быть один из самых счастливых дней в моей жизни. День, к которому я шла пять долгих лет. Вручение диплома, улыбки однокурсников, поздравления преподавателей. Но теперь все это кажется таким мелким, незначительным, блеклым на фоне страшных новостей.

– В какой она больнице? – спрашиваю я, игнорируя его

вопрос.

– В первой городской. Так когда ты приедешь?

– Как можно скорее, – отвечаю я, чувствуя, как слезы отчаяния жгут глаза. – Мне нужно решить несколько вопросов здесь и...

– Решить вопросы? – перебивает брат с ядовитой насмешкой. – Ты понимаешь, что мама может остаться инвалидом на всю жизнь? Что ей нужен постоянный уход? Что...

– Я понимаю, Стас! – перебиваю я дрожащим от едва сдерживаемых рыданий голосом. – Я приеду. Очень скоро.

– Ты уж постарайся, – небрежно бросает он, и связь тут же обрывается, оставляя меня одну наедине с оглушительной тишиной.

Сижу, глядя на погасший экран телефона, и чувствую, как по щекам текут горячие, горькие слезы. Мапочка. Моя сильная, энергичная, всегда улыбающаяся мама сейчас лежит парализованная в больнице и не может говорить. Эта мысль не укладывается в моей голове и разрывает сердце на части.

Я сразу же звоню Кириллу. Сейчас мне как никогда нужна его поддержка.

– Привет, солнышко. – В его голосе слышится сонная хрипотца. – Ты чего так рано? Что-то случилось?

– У моей мамы инсульт, – выдавливаю я сквозь рыдания. – Она в больнице. Парализована, почти не говорит. Я должна ехать туда, Кирилл. Должна.

– Вот же... – Он выдыхает. – Когда это случилось?

– Вчера вечером. Брат написал мне сегодня утром.

– Когда ты поедешь? И... надолго?

Этот вопрос заставляет меня замереть. Я не знаю. Понятия не имею, сколько времени потребуется маме, чтобы восстановиться. И восстановится ли она вообще. От последней мысли внутри все сжимается от давящей боли.

– Я не знаю, – честно отвечаю я, вытирая слезы. – Возможно, надолго. За ней нужно ухаживать, Кирилл. Брат не хочет этим заниматься, а я не могу ее бросить в таком состоянии. Не могу...

Наступает пауза. Я слышу, как он вздыхает, и этот вздох говорит больше любых слов.

– А как же наш отпуск? Мы же собирались на море через месяц...

Его слова ударяют как хлесткая пощечина. Не верю своим ушам. Он спрашивает меня об этом в такой момент?

– Какой отпуск, Кир?! – Я почти кричу в трубку, задыхаясь от возмущения и бессилия. – Ты серьезно сейчас? У меня мама лежит парализованная, а ты спрашиваешь про отпуск?! Про какое-то чертово море?!

– Аня, солнышко, успокойся. – Его голос сразу становится мягче. – Я понимаю, что ты расстроена. Но у тебя сегодня важный день, вручение диплома. Мои родители приедут только ради тебя, помнишь? Они очень хотят тебя поздравить. И столик в ресторане уже забронирован...

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, пытаюсь спра-

виться с бурей эмоций. В голове сейчас сплошной хаос. Мысли о маме, о ее состоянии, о том, что я должна быть рядом с ней прямо сейчас. И одновременно – вручение диплома, родители Кирилла, которые едут из Подмосковья ради меня, их ожидания, наши планы...

– Кир, я не могу думать сейчас ни о чем, кроме мамы, – тихо говорю, чувствуя себя опустошенной и разбитой. – Я просто не представляю, как буду улыбаться и праздновать, когда она там... когда она в таком состоянии...

– Аня, послушай меня. – Его голос становится тверже. – Сейчас ты ничем не можешь ей помочь. Врачи знают свое дело. И ты обязательно к ней поедешь, но не сегодня, солнце. Тебе в любом случае нужно уладить дела в Москве. Сегодня ты нужна здесь. Нужна мне, моим родителям. Мы так долго ждали этого дня. Ты столько работала ради диплома. Возьми себя в руки, ладно? Я заеду за тобой через два часа. Все будет хорошо, обещаю.

Я молчу, чувствуя себя разорванной на части. С одной стороны, он прав – сейчас я действительно ничем не могу помочь. Но с другой – как я могу праздновать, веселиться, принимать поздравления, когда она в таком состоянии? Когда весь мой мир рушится?

– Хорошо, – наконец выдавливаю я, сдаваясь под напором его аргументов. Он прав, я все равно не могу уехать, пока не решу здесь все дела. – Я буду готова...

– Вот и умница. – В его голосе слышится неприкрытое

облегчение. – Я люблю тебя. До встречи.

– И я тебя, – на автомате отвечаю и отключаюсь.

Несколько минут просто сижу, глядя в одну точку, не видя ничего перед собой. Потом, очнувшись, открываю браузер и лихорадочно ищу номер городской больницы родного города. Найдя, набираю его непослушными пальцами, боясь услышать еще более страшные новости.

– Городская больница номер один, приемное отделение, – отвечает усталый женский голос через несколько гудков.

– Здравствуйте. – Голос дрожит так сильно, что я едва узнаю его. – Я хотела бы узнать о состоянии пациентки. Богданова Людмила Михайловна. Ее вчера вечером привезли с инсультом. Я ее дочь.

– Минуточку, – отвечает медсестра и добавляет после мучительной паузы: – Богданова в неврологическом отделении. Соединяю с дежурным врачом.

Следует серия гудков, каждый из которых отдается в голове как удар молота, и наконец я слышу мужской голос:

– Неврологическое отделение, врач Соколов.

– Здравствуйте. – Я стараюсь говорить четко, хотя внутри по-прежнему все трясется от нервного напряжения и шока. – Меня зовут Анна Богданова, я дочь Людмилы Михайловны Богдановой. Она поступила к вам вчера с инсультом. Я хотела бы узнать о ее состоянии.

– Так, да, есть у нас Богданова. – Врач говорит деловито, без эмоций, и от этого становится еще страшнее. – Состо-

ание пациентки тяжелое, но стабильное. Геморрагический инсульт, обширное кровоизлияние. Сейчас мы делаем все возможное, чтобы улучшить ее состояние.

– Мне сказали, что у нее парализована левая сторона тела и она не может говорить. – Мой голос срывается. – Это... это навсегда?

Врач вздыхает, и в этом вздохе слышу больше, чем в его словах.

– Пока рано делать прогнозы. Но должен вас предупредить – вашей маме потребуются длительное лечение и реабилитация. Есть вероятность, что часть функций не восстановится полностью. В таком случае, да, инвалидность возможна.

Ощущаю очередной приступ тошноты, а перед глазами плывут черные пятна. Это не может быть правдой. Это какой-то кошмарный сон.

– Поняла вас, – из последних сил беру себя в руки и отвечаю: – Я скоро приеду к ней, просто сейчас в другом городе. Ее ведь можно навещать?

– Да, думаю с завтрашнего дня посещение будет возможным. Когда приедете, подойдите ко мне. Я расскажу подробнее о состоянии вашей мамы и о том, что ее ждет дальше.

– Да, хорошо. Спасибо вам, – шепчу я и отключаюсь, чувствуя, как силы покидают меня.

Положив телефон, обхватываю голову руками, сжимая виски. Словно пытаюсь удержать рассыпающийся на части

мир. Мама. Моя мамочка. Женщина, которая всегда была для меня примером силы и жизнелюбия. Которая всегда подерживала, даже когда я решила уехать в Москву, несмотря на то, как больно ей было расставаться со мной. С которой мы часто созванивались, она рассказывала о внучке, о работе и цветах, разведением которых она занялась после моего отъезда. И вот теперь она лежит в больнице, и я даже не могу с ней поговорить. Мозг просто отказывается принимать эту информацию, отторгает ее как что-то чужеродное, невозможное.

Я должна быть рядом с ней. Это не обсуждается. Но сначала – вручение диплома. Родители Кирилла. Ресторан. От одной мысли об этом становится тошно, но я знаю, что не могу их подвести. Они ведь всегда относились ко мне как к родной дочери, для них это особенный день.

Механически встаю и иду в ванную. Еще раз умываюсь холодной водой, глядя на свое отражение в зеркале. Бледное лицо, красные глаза, темные круги под ними. Я выгляжу так, словно не спала неделю, надеюсь, это как-то получится исправить косметикой.

Возвращаюсь в комнату и достаю из шкафа платье, купленное специально для торжества. Темно-синее, элегантное, до колен, с рукавами три четверти и небольшим вырезом на груди. Я представляла, как буду выглядеть в нем на сцене, как буду улыбаться, получая диплом, как потом мы с Кириллом и его родителями будем праздновать.

Но теперь все это кажется таким пустым и бессмысленным.

Одеваюсь, делаю легкий макияж, старательно пытаюсь скрыть следы недавних слез. Собираю волосы в простой пучок. Никаких сложных причесок – нет ни сил, ни желания.

Ровно через два часа после разговора звонит Кирилл. Как всегда пунктуален. Я беру сумку, телефон, ключи и торопливо спускаюсь вниз. Он ждет меня у подъезда, небрежно прислонившись к блестящему боку своей машины – такой уверенный, такой... привычный. Увидев меня, Кирилл улыбается и раскрывает объятия. Я подхожу, и он крепко обнимает меня, целуя в макушку.

– Ты прекрасно выглядишь, – говорит он, выпустив меня из объятий и галантно открывая дверцу.

Сажусь молча. Кирилл обходит машину, садится за руль и, прежде чем завести двигатель, тянется ко мне и целует в губы. Я отвечаю на автомате, не чувствуя ничего, кроме тупой, давящей боли в районе сердца.

– Как ты? – спрашивает он, глядя мне в глаза.

– Я звонила в больницу, – говорю я, переведя взгляд в окно. – Разговаривала с врачом. Он сказал, что состояние мамы тяжелое. Что ей потребуются долгое лечение и реабилитация. Что она... – голос предательски срывается, – может навсегда остаться инвалидом.

Кирилл сжимает мою ладонь, и его тепло кажется таким чужим на фоне ледяного ужаса, сковавшего мое сердце.

– Мне очень жаль, Аня. Правда. Но медицина сейчас творит чудеса. Уверен, что твоя мама поправится.

Я киваю, не в силах произнести ни слова. Мы недолго сидим в полной тишине, каждый думает о своем.

– Я завтра вечером полечу к ней, – наконец говорю, прерывая молчание. – Возможно, надолго. Кирилл... ты сможешь поехать со мной?

Я знаю ответ еще до того, как он открывает рот. Вижу по тому, как он отводит глаза, как сжимает губы.

– Аня, ты же понимаешь, что я не могу бросить работу. – Он говорит мягко, но уверенно. – У меня важный проект, дедлайны... Но я обещаю, что приеду к тебе, как только смогу. Правда.

Киваю, чувствуя, как внутри разрастается парализующий страх, заполняя каждую клеточку тела. Мне до дрожи страшно возвращаться в родной город. Страшно увидеть маму в таком состоянии. Но больше всего я боюсь случайно столкнуться с Русланом на улицах города, где каждый переулок хранит воспоминания о моей болезненной неудавшейся первой любви. Я была уверена, что перешагнула это, навсегда оставила в прошлом. А теперь, когда вероятность встретиться с этим самым прошлым лицом к лицу возрастает до невероятных размеров, меня охватывает паника. Я так отчаянно верила, что это никогда не случится, но теперь лишь остается надеяться, что Раевский тоже уехал. В тот же чертов Новосибирск, например.

– Спасибо, – произношу тихо. Это все, что я сейчас могу сказать.

Кирилл заводит машину, и мы едем к университету. Там, у главного входа, нас уже ждут его родители – Елена Викторовна и Павел Сергеевич. Увидев нас, они улыбаются и машут руками.

– Анечка! – Елена Викторовна стискивает меня в крепкие объятия, от которых перехватывает дыхание. – Поздравляю тебя, дорогая! Такой важный день!

Павел Сергеевич протягивает мне букет красных роз.

– Поздравляю от всей души, Аня, – произносит он с доброй улыбкой. – Красные розы к красному диплому. Мы так гордимся тобой!

– Спасибо вам. – Я пытаюсь улыбнуться, но чувствую, что улыбка выходит кривой и неестественной.

Елена Викторовна внимательно смотрит на меня, очевидно, замечая, что со мной что-то не так.

– Анечка, что случилось? Ты какая-то грустная...

Я тяжело вздыхаю. Нет смысла скрывать свою трагедию, все и так написано на моем лице.

– У мамы инсульт, – тихо говорю я. – Она в больнице. Мне нужно будет уехать домой, чтобы быть с ней.

– Боже мой. – Елена Викторовна встревоженно прижимает руку к губам. – Как ужасно! Когда это случилось?

– Вчера вечером.

– Бедная девочка. – Она снова обнимает меня. – Конечно,

ты должна быть с мамой. Может, нам стоит отменить ресторан? Тебе сейчас не до празднований...

– Нет-нет, – внезапно вмешивается Кирилл, и его уверенный тон не терпит возражений. – Мы с Аней уже обсудили это. Сегодня важный день для всех нас. Мы пойдем в ресторан, как и планировали, а завтра Аня поедет к маме.

Молчу, не в силах возразить. Часть меня хочет закричать, что мне плевать на ресторан, что я хочу быть с мамой, но другая часть понимает, что это может обидеть и ранить людей, которые всегда были так добры ко мне. Не могу с ними так поступить. Кирилл прав, я не могу уехать, не закончив все дела. Делаю глубокий вдох и выбираю смириться и провести сегодняшний день так, как было задумано изначально.

* * *

Церемония вручения дипломов проходит как в тумане. Я натягиваю улыбку, когда нужно улыбаться, благодарю, когда нужно благодарить, фотографируюсь с однокурсниками и преподавателями. Но все это время чувствую себя так, словно наблюдаю за происходящим со стороны. Словно это не я получаю диплом, не я улыбаюсь в камеру, не я принимаю поздравления.

После торжества мы едем в ресторан – изысканное уютное заведение в самом сердце города, куда Кирилл чуть ли не с боем забронировал столик еще две недели назад. Официант

провожает к нашим местам и принимает заказ на напитки. Елена Викторовна и Павел Сергеевич оживленно обсуждают церемонию, Кирилл что-то рассказывает, смеется. Я сижу, механически улыбаясь и кивая, но мыслями далеко отсюда – в больничной палате, где сейчас лежит мама.

– Солнышко, посмотри на меня, пожалуйста. Аня... – Голос Кирилла вырывает меня из бездны мрачных мыслей.

Я поднимаю глаза и вижу, что он встал из-за стола. Его взгляд полон нежности и пугающей решимости, когда он смотрит на меня.

– Аня, – произносит он необычно торжественно. – Понимаю, что, возможно, сейчас не самое подходящее время, но я уже давно все решил и спланировал. А может быть, наоборот. Тебе сейчас нужна поддержка, и я хочу, чтобы ты понимала всю серьезность моих намерений. Мы знакомы уже больше четырех лет. Это были лучшие годы в моей жизни. Мы любим друг друга, мы счастливы, и я надеюсь, что так будет всегда.

Он опускается на одно колено, и у меня перехватывает дыхание. Нет. Только не сейчас. Пожалуйста, не сейчас.

Кирилл достает из кармана маленькую бархатную коробочку и открывает ее. Внутри сверкает кольцо с небольшим изящным бриллиантом, отбрасывающим радужные искры.

– Анна Богданова, – говорит он, глядя мне в глаза. – Ты выйдешь за меня замуж?

Елена Викторовна издает восторженный вздох, а Павел

Сергеевич расплывается в счастливой улыбке. Официант рядом с нами и посетители за соседними столиками замирают, наблюдая за нами. А я сижу, не в силах произнести ни слова. В голове пульсирует только одна мысль: *«Моя мама в больнице. Ей плохо. Она одна. А я здесь, в роскошном ресторане, и мне делают предложение руки и сердца»*.

Кирилл и его родители смотрят на меня с нетерпеливым ожиданием. Мне мерещится, что весь зал затаил дыхание, ожидая моего ответа.

А я молчу, чувствуя, как мир вокруг распадается на части...

Глава 3. Анна Богданова

– Простите, – наконец выдавливаю я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота, а слова складываются в бессмысленную нелепицу. – Мне нужно... Извините.

Я встаю, отодвигая стул, который с громким скрипом проезжает по полу, раздражая слуховые рецепторы всех гостей за соседними столиками. Украдкой бросаю взгляд на Кирилла и вижу, как меняется его лицо – от счастливого ожидания к растерянности и тревоге.

– Аня, что ты... – Он все еще стоит на одном колене, держа в руке коробочку с кольцом, а в его глазах отражаются недоумение и паника.

– Извините, – перебиваю я. – Мне очень жаль...

Не дожидаясь ответа или хоть какой-то реакции, я разворачиваюсь и быстрым шагом направляюсь в уборную. Слышу за спиной шепот посетителей, чувствую на себе десятки взглядов, но мне абсолютно плевать, кто и что обо мне подумает. Сейчас мне нужно убежать, спрятаться, остаться одной.

Запираюсь в кабинке и сажусь на крышку унитаза, обхватывая голову руками. Как он мог? Как Кирилл мог сделать мне предложение именно сегодня? Когда я сказала ему, что мама лежит парализованная. После того как я плакалась ему в трубку. Он на полном серьезе решил, что сейчас удач-

ное время?! Внутри меня растет злость – иррациональная, несправедливая, но такая сильная, что с трудом могу ее контролировать.

Через пару минут все-таки беру себя в руки и иду к раковине, понимая, что мне просто необходимо освежиться и прийти в себя, иначе я могу наломать дров и все испортить. Мою руки и прикладываю мокрые ладони к щекам и лбу. Смотрю в зеркало и поражаюсь – не так должна выглядеть девушка, которой только что сделал предложение любимый человек. Вместо радости и восторга на моем лице видны лишь усталость и отчаяние. Я не против выйти замуж за Кирилла – все-таки мы давно вместе, меня хорошо приняла его семья. Но сегодня не хочу думать об этом, не хочу принимать такие судьбоносные решения.

Но как мне теперь вернуться к Кириллу и его родителям? Что я скажу после того, как позорно сбежала, выставив их сына идиотом. Все настолько сложно, что от напряжения головная боль начинает разливаться по вискам, ухудшая мое и без того нестабильное состояние. Опираюсь руками о раковину и закрываю глаза.

Внезапно дверь туалета открывается, и я вздрагиваю. В зеркале вижу отражение Елены Викторовны. Она спокойно подходит к соседней раковине и начинает мыть руки, будто ничего не произошло.

– Елена Викторовна, – произношу я тихим голосом, угрюмо глядя на нее через зеркало. – Простите меня, пожалуйста.

Я не должна была так убегать.

Она поднимает взгляд и смотрит на меня с такой теплотой и пониманием, что перехватывает дыхание и щемит сердце.

– Анечка. – Она закрывает кран и поворачивается ко мне. – Я буду честна с тобой. Я очень рада, что мой сын сделал тебе предложение. Но понимаю, что сейчас абсолютно неподходящий момент.

Она берет бумажное полотенце, тщательно вытирает руки, а затем подходит ко мне и обнимает. Я замираю от столь неожиданного и искреннего жеста.

– Девочка моя. – Ее ласковый успокаивающий голос будто обволакивает меня. – Ты не обязана отвечать ему прямо сейчас. Я понимаю, что голова у тебя совсем другим занята. И Кирилл уже осознал, какую ошибку совершил.

Она отстраняется, но продолжает держать меня за плечи, глядя прямо в глаза.

– Я буду счастлива, если ты станешь частью нашей семьи. Ты же знаешь, что мы с Павлом Сергеевичем любим тебя, ты уже стала нам родной. Анечка, ты замечательная девушка. Для Кирилла лучше невесты и не придумать, но если ты сейчас не готова, то не нужно себя заставлять. Езжай к маме, там ты сейчас нужнее. Заодно подумаешь хорошо обо всем, разберешься в себе, и как будешь готова, мы с огромной радостью примем тебя в нашу семью.

Ее слова, полные понимания и любви, находят трещину и пробивают брешь в стене, которую я выстраивала вокруг

себя весь день. Так старательно сдерживаемые слезы наконец прорываются.

– Спасибо вам, – говорю я, всхлипывая. – Елена Викторовна, вы всегда были для меня как вторая мама. Я так благодарна вам...

Она улыбается и смахивает со щеки одинокую слезинку, и это маленькое проявление эмоций трогает меня до глубины души.

– Елена Викторовна... Я хочу уехать... Сейчас... – тихо признаюсь я, понимая, что она поймет меня и не осудит. – Не могу вернуться за стол и делать вид, что все в порядке.

– Конечно, Анечка. – Она понимающе кивает. – Но прошу тебя, позволь Кириллу хотя бы проводить тебя до такси. Он очень переживает.

Я соглашаюсь, осознавая, что так будет правильно. Как бы я ни злилась на него сейчас, он не заслуживает такого обращения и игнора с моей стороны.

Мы выходим из уборной и возвращаемся к столику. Кирилл сидит, опустив голову, и крутит в руках ту самую бархатную коробочку. Когда он поднимает глаза и видит меня, его лицо озаряется надеждой, но тут же становится серьезным, когда он замечает мои красные от слез глаза.

В эту секунду мне становится так неловко и совестно. Я ведь знаю, что он не хотел причинить мне боль. Он просто сделал, не подумав, а я не смогла сдержать эмоции.

– Кирилл, – говорит Елена Викторовна, – Анечка плохо

себя чувствует и хочет поехать в общежитие. Проводи ее, пожалуйста, и посади в такси.

Он тут же оживляется и вскакивает со стула:

– Конечно, Ань, пойдем.

Я беру свою сумочку и букет красных роз, который мне подарили родители Кирилла перед вручением диплома. Подхожу к Павлу Сергеевичу, чтобы попрощаться.

– Простите за испорченный вечер, – тихо говорю я, обнимая его.

– Ничего не испорчено, Аня, – отвечает он, приободряя меня. – Отдыхай, тебе сейчас нужно много сил.

Следом я прощаюсь с Еленой Викторовной, и мы с Кириллом молча выходим из ресторана. Прохладный вечерний воздух немного освежает голову, но тяжесть в груди не исчезает.

– Солнышко, – наконец произносит Кирилл, когда мы останавливаемся на тротуаре, – прости меня, пожалуйста. Я не должен был делать предложение сегодня. Это было эгоистично и глупо с моей стороны...

Он выглядит таким виноватым и растерянным, что большая часть моей обиды испаряется.

– Я просто подумал, – продолжает он, – что перед нашим вынужденным расставанием тебе будет важно знать, насколько сильны мои чувства к тебе. Но я не учел, что у тебя сейчас совсем другие мысли.

– Я знаю о твоих чувствах, Кир, – отвечаю я, глядя куда-то

мимо него. – Но мне сейчас и правда не до этого, извини. Я мысленно с мамой.

Он кивает, принимая мои слова.

– Можно... можно мне обнять тебя? – спрашивает неуверенно, все еще виновато глядя на меня.

Вместо ответа я сама примирительно протягиваю к нему руки, и он осторожно обнимает меня, будто боится, что я рассыплюсь от его прикосновений. Прижимаюсь к нему, но внутри ощущаю только пустоту. Ни тепла, ни комфорта, которые обычно приносят его объятия. Только опустошенность и убийственная усталость.

– Ань, – заговорщически произносит он, не отпуская меня, – давай сбежим отсюда и вместе поедem к тебе в общежитие. Ты ведь уезжаешь завтра... я буду очень скучать по тебе.

Я знаю, что должна согласиться. Так будет правильно. Мы вместе уже больше четырех лет, он мой парень, он только что сделал мне предложение. Завтра я уезжаю чуть ли не на другой конец страны и не знаю, как скоро мы сможем увидеться. Конечно, он должен провести со мной последний вечер перед отъездом.

– Да, хорошо, – говорю я, отстраняясь и пытаюсь выдать из себя хотя бы подобие улыбки. – Поехали.

Я не испытываю ни радости, ни трепета от мысли, что проведу с ним ночь. Но головой понимаю, что так нужно. Я ведь тоже буду скучать по нему. Все-таки Кирилл стал для меня родным человеком. Он любит меня, и я тоже его люблю. На-

ши отношения не должны страдать из-за моих проблем. Все будет хорошо.

Пока едем к общежитию, я смотрю в окно на огни вечерней Москвы и думаю о том, что завтра в это время уже буду находиться в родном городе. Увижу маму, брата, познакомлюсь с его женой и дочкой Дашенькой.

А еще думаю о том, что подаренное Кириллом кольцо так и осталось в бархатной коробочке. И почему-то эта мысль не вызывает у меня сожаления.

* * *

Самолет мягко касается земли, и я чувствую, как сильно барабанит пульс, а кончики пальцев начинают покалывать от волнения. Четыре часа полета – и вот я здесь, в городе, из которого сбежала пять лет назад, в глубине души надеясь больше никогда не вернуться. Четыре часа – это же такая малость. Всего несколько часов отделяли меня от мамы все эти годы, но я так и не нашла в себе сил прилететь к ней. До сегодняшнего дня.

Пассажиры вокруг меня оживляются, вскакивают со своих мест, достают вещи с полок. А я сижу, вцепившись в подлокотники, и не могу заставить себя пошевелиться. Москва стала моим убежищем, новой жизнью, чистым листом. Здесь же, в этом маленьком городе, осталось все, от чего я так отчаянно бежала.

Поднимаюсь с кресла одной из последних. Достāju сумку, механически проверяю, не забыла ли что-то в кармане переднего сиденья. Ноги становятся ватными и еле слышатся, когда продвигаюсь к выходу вместе с потоком других пассажиров. И вдруг среди людей мелькает знакомый профиль. Седеющие волосы, собранные в аккуратный пучок, прямая спина и строгий костюм. Женщина поворачивается, и я узнаю Марину Сергеевну, мою учительницу по алгебре и геометрии. Она замечает меня, и ее лицо сразу озаряется улыбкой, а глаза наполняются теплотой. Кажется, тоже узнала.

– Анна Богданова? Анечка, это ты?

– Здравствуйте, Марина Сергеевна. – Мой голос звучит неожиданно хрипло.

– Хотя ты и изменилась, но я сразу тебя узнала! – Она окидывает меня одобрительным взглядом. – Совсем взрослая стала, такая красавица!

Мы идем вместе по рукаву, ведущему в здание аэропорта, и я чувствую, как часть напряжения, сковывающего меня, начинает отступать.

– А волосы-то как обрезала! – продолжает Марина Сергеевна. – Помню, ты всегда заплетала свой высокий хвост в косичку. Такие красивые длинные волосы были.

Невольно касаюсь своих прядей. Да, я как по шаблону сильной и независимой, но брошенной и преданной, отрезала каре почти сразу после переезда в Москву. Это был пер-

вый шаг к новой жизни. Оно давно отросло, но больше я не отпускаю длину, поэтому волосы теперь едва достают до груди.

– Ты в Москве живешь? – спрашивает она. – Или проездом была?

– Да, в Москве, – отвечаю, робко улыбнувшись.

– Вот и молодец! Всегда знала, что ты достойна большего, чем наш город. Помнишь, как мы с тобой готовились к олимпиаде по математике в десятом классе? Ты всегда была такой способной девочкой.

Киваю и ощущаю, как в груди разливается уютное тепло. Так странно, что встреча с учительницей стала первым приятным моментом после возвращения. Кажется, все уже не так плохо.

– А как ваши дела? Все еще преподаете? – искренне интересуюсь я.

– Да, куда ж я денусь из нашей школы, – смеется учительница. – Только теперь я завуч. Больше бумажной работы, меньше уроков. Но детей все равно люблю.

Мы выходим из аэропорта на улицу, и Марина Сергеевна останавливается.

– Ну, мне на автобус, – произносит она и кивает в сторону остановки. – Была рада тебя видеть, Анечка. Заходи в школу, если что. Ты вообще надолго приехала?

– Взаимно, Марина Сергеевна. Не знаю пока. Как получится, – честно отвечаю я и пожимаю плечами.

Мы прощаемся, и я оглядываюсь по сторонам. Закрываю глаза и наполняю легкие воздухом. Он здесь совсем другой – не московский смог, а что-то более мягкое, наполненное запахом близкой реки и зеленых деревьев. Этот аромат мгновенно возвращает меня в детство и дарит чувство ностальгии. Сразу вспоминаю, как с мамой ходили загорать на речку, когда я была маленькой. Как летом бегала ее встречать с работы к шести часам вечера. Как вместе шли домой через парк, где она покупала мне мороженое или сладкую вату. Как каждый мой день рождения до тринадцати лет мы ходили кататься на аттракционах, которые как раз открывали в начале мая.

Мама, моя любимая мамочка. Я здесь. Я приехала. Скоро я буду у тебя.

Вызываю такси через приложение. Пока жду машину, разглядываю здание аэропорта. Оно стало немного современнее, появилась новая вывеска, но в целом осталось таким же провинциальным и маленьким, каким я его помнила. После нескольких лет проживания в Москве с ее величественными масштабами все остальное кажется таким маленьким. Когда-то я не хотела уезжать из родного города, но теперь возвращаюсь сюда с опаской.

Такси подъезжает быстро. Уточняю адрес – мою бывшую квартиру – и откидываюсь на сиденье. Мне нужно где-то оставить вещи, и потом сразу поеду в больницу.

По дороге смотрю в окно и понимаю, что город остался

для меня знакомым до боли и одновременно стал таким чужим. Вот проспект Ленина – все такой же широкий, с рядами тополей и берез по бокам. Вот кинотеатр «Родина», куда я бегала смотреть все премьеры, пока не устроилась на работу и перестало хватать на это времени.

Замечаю новые вывески магазинов, пару небольших новостроек, но в целом город словно застыл во времени. Пять лет – а такое ощущение, что уехала только вчера. Эти улицы, дома, скверы – все они хранят воспоминания, которые я так старательно пыталась похоронить в Москве.

Машина сворачивает в знакомый двор, и сердце начинает колотиться быстрее. Вот он мой подъезд. Место наших встреч и расставаний с Русланом...

Я зажмуриваюсь, пытаюсь отогнать воспоминания, которые сейчас совсем не к месту. Расплачиваюсь с таксистом и выхожу из машины. Ноги сами несут меня вперед, хотя внутри все сопротивляется. Останавливаюсь перед домофоном и несколько секунд просто смотрю на знакомые кнопки. Затем глубоко вдыхаю и нажимаю цифры «один» и «пять».

– Да, – через пару секунд отвечает незнакомый женский голос. Должно быть, это Лера, жена Стаса.

– Это Аня, – говорю я.

Пауза. Через пару мгновений дверь открывается с характерным жужжанием. Захожу внутрь, и в нос сразу же бьет уже давно забытый специфический запах старого подъезда, накрывая меня новой порцией воспоминаний. Лифта у нас

никогда не было, поэтому я, как обычно, поднимаюсь пешком на третий этаж.

У двери квартиры снова замираю. За ней вся моя прошлая жизнь. Та, которую я старалась забыть. Та, к которой вернулась снова. Нажимаю на старый круглый звонок и жду. Слышу шаги, и вскоре дверь открывается. На пороге стоит Стас. Он почти не изменился – все те же недовольные глаза и хмурый взгляд, тот же тяжелый подбородок. Только вот теперь он отрастил бороду и усы, но без должного за ними ухода брат выглядит скорее неопрятно, чем мужественно.

– Привет, – говорю я.

– Здравствуй, – сухо отвечает он, отступая, чтобы пропустить меня.

Захожу в квартиру и непроизвольно осматриваюсь. Здесь теперь все по-другому – новые обои, другая мебель в прихожей. Даже запах и тот чужой.

Из кухни выглядывает молодая женщина. Ей около тридцати на вид, светлые волосы собраны в небрежный пучок, а непроницаемое лицо не выражает ничего, кроме равнодушия и усталости.

– Привет, я Лера, – безжизненно произносит она, вытирая руки о кухонное полотенце.

Мне кажется или я вижу на ее руке не до конца сошедший синяк? Бросаю тревожный взгляд на брата, а он складывает руки на груди и бесцеремонно разглядывает меня, не скрывая одновременно любопытства и неприязни.

– Аня. – Я снова поворачиваюсь к Лере и приветственно киваю.

И тут замечаю маленькую фигурку, выглядывающую из-за Лериных ног. Девочку лет четырех, с большими голубыми глазами и светлыми русыми волосами. В руках она держит мягкую игрушку. Приглядываюсь, и у меня перехватывает дыхание. Это же мой тюлень! Моя любимая игрушка из детства, потрепанная, но такая родная.

Я опускаюсь на корточки, чтобы быть на одном уровне с малышкой.

– Привет, – мягко говорю я. – Ты, должно быть, Дашенька?

Девочка кивает, прижимая тюленя к груди. Она смотрит на меня с любопытством и легкой опаской.

– А это твой тюлень? – спрашиваю я, указывая на игрушку.

Она снова кивает и прижимает его сильнее, словно боится, что кто-то может его отнять.

– Знаешь, это была моя любимая игрушка, когда я была такой же маленькой, как ты, – произношу с улыбкой. – Я очень его любила.

На лице девочки тоже появляется робкая улыбка.

– Даша, – вмешивается Стас. – Лучше спроси у тети Ани, что она тебе привезла из Москвы?

Ощущаю такую неловкость, что кончики пальцев немеют. В суматохе и панике от маминого состояния, даже не поду-

мала о подарке для племянницы. Я ничего не привезла девочке, которая сейчас смотрит на меня огромными глазами, полными надежды. У меня просто не было времени и сил на это.

– Ну конечно, – усмехается Стас, видя мое замешательство. – Единственной племяннице же не надо ничего дарить. Приехала тетя...

Сжимаю зубы, чтобы ничего не ответить. Только не при ребенке. Не сейчас, когда я только переступила порог когда-то родного мне дома, в котором теперь объективно лишняя.

И вдруг вспоминаю о шоколадке и йогурте, которые мне выдали в самолете и которые машинально положила в сумку. Я быстро достаю их и протягиваю девочке.

– Знаешь, Дашенька, у меня есть для тебя маленький подарок прямо с неба, – говорю, улыбаясь. – Это особенные шоколадка и йогурт, такие в обычном магазине не купишь.

Глаза девочки расширяются от удивления.

– С неба? – недоверчиво переспрашивает она. – Ты что, прилетела с небес, как волшебница?

Я смеюсь, чувствуя, как напряжение немного отпускает.

– Не совсем. Я прилетела сюда на самолете. Но это правда особенные угощения, их дают только тем, кто летит высоко-высоко над облаками.

Даша принимает шоколадку и йогурт с таким восторгом, будто я действительно дала ей что-то волшебное.

– А еще, – добавляю я. – Мы с тобой обязательно сходим в магазин игрушек, и ты выберешь себе все, что захочешь. Хорошо?

Лицо малышки озаряется неподдельной радостью, и она внезапно обнимает меня за шею. Чувствую, как к глазам подступают слезы. Радуюсь вместе с ней и счастлива, что смогла ее удивить и порадовать. Дашенька такая милая девочка, почему-то уверена, что мы с ней обязательно подружимся.

Стас закатывает глаза и уходит в другую комнату, бросив через плечо:

– Лера, займись ребенком.

– Дашенька, иди в свою комнату, покажи куколкам, что тетя Аня тебе привезла. – Она мягко отстраняет дочь, и когда девочка убегает, Лера поворачивается ко мне: – Ты к маме сейчас поедешь?

– Да, – киваю я. – Только вещи оставлю.

– Слушай, – Лера понижает голос, словно боится, что Стас ее услышит, – купи ей, пожалуйста, влажные салфетки, блокнот и ручку. Я забыла, когда мы днем ездили и вещи ей отвозили. И еще детское питание, пюре. У нее сейчас с глотанием проблемы, врач посоветовал эти пюрешки.

Достаю телефон и записываю все в заметки, чувствуя, как внутренности сжимаются и немеют от этих слов. Мама не может есть нормально... Господи, дай ей сил и здоровья, пожалуйста. Я уже рядом, вместе мы со всем справимся.

– Хорошо, куплю, – отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал

ровно.

Оставляю чемодан в прихожей и с одним рюкзаком выхожу из квартиры. Спускаюсь по лестнице, чувствуя странную смесь облегчения и тревоги. Первая встреча с братом прошла не так ужасно, как я боялась. По крайней мере, мы не кричали друг на друга. И Дашенька... Она такая хорошая смышленная девочка. Мне хочется узнать ее лучше, хотя до этого я никогда особо не ладила с маленькими детьми. Но Даша особенная девочка, она моя племянница.

Недалеко от дома замечаю яркую вывеску продуктового магазина – нового, с сияющими витринами, которого здесь не было раньше. Захожу внутрь, и холодный воздух кондиционеров обволакивает меня, пока я механически двигаюсь между рядами к детскому отделу.

Разноцветные баночки пюре выстроились перед глазами пестрым парадом. Я беру одну, вертя в руках, пытаюсь сосредоточиться на таком простом выборе, но мысли разбегаются. Яблоко – не слишком ли кисло? Тыква – достаточно ли питательно? Нужно взять что-то мясное, обязательно. Какое пюре понравится маме?

Стою, теряясь в догадках, но вдруг время вокруг меня останавливается. Происходит то, чего я боялась больше всего на свете. То, от чего сбежала много лет назад, надеясь вырвать с корнем из памяти, как самый мучительный кошмар.

– Аня?

Этот голос... Боже мой. Низкий, с легкой хрипотцой, с

той особенной интонацией, когда он произносит мое имя. Оказалось, что я узнаю его из миллиона других голосов. Тот самый, который слышала вчера во сне и от которого сейчас в реальности подкашиваются ноги и внутри все обрывается.

Застываю, словно пораженная громом, не в силах поднять глаза. Баночка с тыквенным пюре дрожит в моих пальцах, рискуя выскользнуть и разбиться вдребезги, как и мое сердце когда-то. Сейчас же оно колотится с такой бешеной скоростью, будто я только что закончила бежать двухсотметровку и показала новый мировой рекорд. Во рту мгновенно пересыхает, а пульс в висках стучит так громко, что заглушает ритмичную музыку, играющую в магазине.

Знаю, кто стоит передо мной. Знаю с абсолютной, кристальной, убийственной уверенностью. И сейчас, когда прошлое настигло меня в этом безликом супермаркете среди детского питания, мне становится не просто не по себе – меня накрывает такой волной паники, что хочется раствориться в воздухе, исчезнуть, снова сбежать на другой конец страны. Но я не могу даже пошевелиться...

Глава 4. Анна Богданова

Неуместная пауза затягивается. Понимаю, что пора уже посмотреть страху в глаза. В самом прямом смысле этого слова. Я резко поднимаю взгляд и ожидаемо вижу перед собой Руслана Раевского. Повзрослевший, возмужавший, но все так же безошибочно узнаваемый. Его непослушные волосы, по которым он проводил пальцами, когда нервничал, теперь аккуратно зачесаны назад. Щетина, которой раньше не было, отныне покрывает его подбородок и щеки, делая лицо более мужественным. Между бровями залегла глубокая морщинка, словно высеченная скульптором, делающая взгляд пронзительнее, суровее. Но глаза... Боже, эти глаза все те же – карие, с янтарными крапинками. Глаза, в которых я когда-то тонула, не желая выплыть и спастись.

В его взгляде читается целый океан эмоций – изумление, неверие и что-то еще... Горечь? Сожаление? Тоска? Нет, нет, нет! Я не хочу ничего знать. Не хочу расшифровывать то, что больше не имеет для меня значения.

Чувствую, как краска отливает от лица, а руки предательски дрожат, выдавая бурю, бушующую внутри. Баночка с тыквенным пюре едва не выскальзывает из пальцев, и я неуклюже ставлю ее обратно на полку, чтобы не устроить здесь погром.

Нас с Русланом разделяет стеллаж с детским питанием.

Моя крепость, мой щит, моя граница между прошлым и настоящим. Мой шанс на спасение. Понимаю, что мне нужно уйти. Прямо сейчас. Немедленно.

Ноги двигаются сами собой, унося меня прочь от этого невыносимого столкновения с прошлым. Я не бегу – я практически лечу к выходу, словно на моих ногах не потертые кроссовки известного спортивного бренда, а крылатые сандалии Гермеса. Позади слышится его голос, который буквально проникает под кожу тысячами тонких иголок:

– Аня! Постой!

Но я не останавливаюсь. Не могу. Не хочу. Пять долгих лет я собирала свою жизнь заново, по кирпичику, как сложную фигурку лего из сотен мелких деталей, и одна-единственная встреча с Русланом грозит обрушить все до основания. Как бы я ни храбрилась, должна признать, что оказалась не готова. И сейчас позорно и малодушно спасаюсь бегством.

Автоматические двери супермаркета мучительно медленно разъезжаются передо мной, и наконец я вылетаю на улицу. Прохладный вечерний воздух бьет в лицо, но я ни на мгновение не замедляю шаг. Впереди вижу автобус, подъезжающий к остановке, и бросаюсь к нему, не разбирая номера и не думая о маршруте. Лишь бы уехать прочь, скрыться, исчезнуть.

Я запрыгиваю на подножку в последний момент, когда двери уже начинают закрываться. Краем глаза успеваю заме-

тить Руслана, который стремительно покидает магазин следом за мной. Он озирается по сторонам, а дальше я уже ничего не вижу, ныряя в спасительную глубь автобуса. Двери сразу же закрываются, и он трогается с места.

Все. Можно выдохнуть, я в безопасности. Прикладываю карту к терминалу, не глядя на сумму списания, и падаю на первое попавшееся свободное сиденье. Сердце колотится так быстро, словно может проломить грудную клетку, дыхание сбивается. Чувствую себя загнанным зверем, который чудом избежал капкана.

Какова была вероятность, что я встречу Руслана в первые же часы пребывания в родном городе? Все выглядит как чудовищная насмешка судьбы, вот только что-то мне ни капли не смешно. Да, я проявила слабость, сбежала... И что с того? Не хочу разговаривать с ним, видаться. Мне абсолютно нечего ему сказать.

Теперь я знаю, что Руслан до сих пор живет в этом городе, хотя какая мне вообще разница? Это ничего не меняет. Он – всего лишь глава в книге, которую я захлопнула много лет назад, садясь в самолет, уносящий меня в Москву, в новую жизнь.

Смотрю в окно на проплывающие мимо улицы и пытаюсь успокоиться. Дышу глубоко, мысленно считаю до десяти. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Это просто совпадение. Неприятное, но ничего не значащее совпадение. Я приехала сюда только ради мамы. Как только ей станет лучше, я уеду обрат-

но в свою налаженную жизнь, где нет места ни этому городу, ни Руслану.

Выхожу через две остановки, чтобы выполнить просьбу Леры и купить для мамы то, что она просила. В маленьком магазинчике, который находится на углу кирпичного дома, тесно и душно. Я быстро набираю все необходимое, стараясь не думать о том, что произошло несколько минут назад. Но образ Руслана стоит перед глазами, как назойливое привидение. Особенно его глаза. Все те же глаза, которые когда-то смотрели на меня с любовью, а потом с холодным безразличием.

Расплачиваюсь на кассе и выхожу на улицу, отмахиваясь от воспоминаний, затягивающих, как болотная тряпина. Вызываю такси до больницы и опускаюсь на скамейку рядом с магазином, измученно закрывая глаза.

Нужно собраться, нужно быть сильной. Но правда в том, что я не ощущаю в себе этой силы. Одна случайная встреча – и я снова та испуганная девчонка, которая бежит от боли, не разбирая дороги. Нет, так нельзя. Защитная броня, которую я выковывала годами, не может рассыпаться в прах за секунду. Он просто застал меня врасплох. И так слишком много печальных новостей и событий за последние два дня. Если когда-нибудь еще мы снова случайно столкнемся в нашем, к сожалению, небольшом городе, я буду во всеоружии.

Такси приезжает через пять минут. Я называю адрес больницы и откидываюсь на спинку заднего сиденья, пытаюсь со-

браться с мыслями. Мама не должна видеть меня такой – растерянной, испуганной, загнанной в угол. С прошлым я как-нибудь потом разберусь, сейчас для меня важно мое настоящее – моя мамочка, которая нуждается во мне.

Больница встречает давящими светло-зелеными стенами и резким запахом хлорки и антисептика. Сразу бегу в регистратуру, где приветливая женщина с усталыми глазами внимательно выслушивает меня, а потом сверяется с компьютером.

– Неврологическое отделение, третий этаж, палата триста двенадцать, – произносит она и указывает на лифт справа от регистратуры. – Но учтите, приемные часы заканчиваются через пятнадцать минут.

Киваю и спешу к лифту. Пока еду наверх, пытаюсь привести себя в порядок. Достāju зеркальце, поправляю растрепавшиеся волосы, проверяю, не размазалась ли тушь. Мама не должна видеть, что я расстроена. Ей сейчас нужна моя поддержка, а не мои проблемы.

И вот я на месте. Третий этаж. Длинный коридор с одинаковыми дверями. Надеваю бахилы, следуя указателям и наконец нахожу нужную палату. Останавливаюсь перед дверью, как перед пропастью, и делаю глубокий вдох. Выдох. Еще один вдох. И осторожно открываю дверь.

В палате шесть коек, и все они заняты. Запах лекарств ощущается здесь сильнее, чем в коридоре, смешиваясь с ароматом больничной еды и той неуловимой ноткой безнадеж-

ности, которая присутствует только в больницах. Я сразу нахожу взглядом маму – она лежит у окна, глядя в одну точку на потолке.

Сердце сжимается так больно, словно его стиснули в кулаке. Мама выглядит такой маленькой, такой беззащитной в этой больничной постели, такой хрупкой. Ее всегда пышные волосы теперь безжизненно разметались по подушке. Одна сторона лица застыла неподвижной маской. Руки сложены на груди, но левая приняла странное, неестественное положение.

Не такой я представляла себе долгожданную встречу, но болезнь не спрашивает разрешения, когда врывается в жизнь. Беру себя в руки и подхожу к кровати. Мама медленно, с видимым усилием поворачивает голову в мою сторону. Ее глаза расширяются, в них вспыхивает узнавание, а затем они наполняются слезами, блестящими в тусклом больничном свете. Она пытается поднять правую руку, и я вижу, каких титанических усилий ей это стоит. Левая же безжизненно покоится поверх одеяла, словно чужая.

Опускаюсь на колени рядом с кроватью и бережно беру ее ладонь в свои. Она такая теплая, такая родная – рука, которая гладила меня по голове, когда я болела, рука, которая учила меня готовить еду и заплетать косы.

– Мама, мамочка, я приехала к тебе, – шепчу я, прижимая ее руку к своим губам. Горячие слезы, которые так старательно сдерживала весь день, теперь свободно текут по мо-

ему лицу, обжигая кожу и оставляя за собой соленые дорожки. – Прости, пожалуйста, что я так поздно. Теперь все будет хорошо, я с тобой, я рядом...

Мама пытается что-то сказать, но из ее рта вырывается только нечленораздельное мычание. Она хмурится, ее глаза наполняются отчаянием, и она начинает плакать сильнее. Вижу ее беспомощность, ее разочарование от невозможности выразить свои мысли, и мое сердце разрывается на части.

– Все хорошо, мамочка, – говорю я, пытаюсь успокоить ее и себя. – Не волнуйся, мы найдем способ.

Сразу же вспоминаю про блокнот и ручку, которые меня попросила купить Лера, и судорожно достаю их из рюкзака, чтобы отдать маме.

– Вот, напиши, что хочешь сказать.

Аккуратно вкладываю в ее пальцы ручку и держу блокнот, чтобы ей было удобнее. Мама неуверенно протягивает руку к чистому листу бумаги. Ее пальцы дрожат, пока она медленно, с видимым усилием выводит буквы. Когда она заканчивает, я вижу два слова, от которых мне становится не по себе. Неровным, дрожащим почерком, совсем непохожим на ее обычный аккуратный, в блокноте написано:

Прости меня.

Глава 5. Анна Богданова

Эти два слова пронзают меня насквозь, словно пара острых кинжалов. За что мама просит прощения? За то, что заболела? За то, что мне пришлось вернуться в город, который я не хотела больше видеть?

– Мамочка, – осторожно обнимаю ее, боясь причинить боль. – Тебе не за что извиняться. Это я должна просить у тебя прощения. За то, что не звонила так часто, как должна была, за то, что ни разу не приезжала к тебе за эти пять лет, хотя могла...

Мама качает головой, и слезы струятся по ее щекам с новой силой. Я прижимаюсь губами к ее лбу, жадно вдыхая самый родной в мире аромат – запах детства, запах абсолютной защищенности. Даже сквозь стерильную больничную атмосферу, сквозь запах лекарств она все равно пахнет собой. Моей мамой.

– Я останусь в городе, рядом с тобой, пока ты не поправишься, – шепчу я, бережно перебирая ее поредевшие волосы. – Буду приходить каждый день, а потом заберу тебя из больницы. Мы будем жить вместе, будем заниматься, делать необходимые упражнения. Я буду возить тебя на процедуры. Ты поправишься, мамочка. Я тебе обещаю. Все обязательно будет хорошо.

Она смотрит на меня с такой любовью, с такой благодар-

ностью, что становится сложнее дышать от стеснения в груди. В этот миг понимаю, что поступила правильно, вернувшись в город. Я ведь не могла по-другому. Несмотря на раздирающую боль воспоминаний, несмотря на призраки прошлого, несмотря на Руслана. Все меркнет и теряет значение, когда на чаше весов – жизнь и здоровье моей мамы.

Она снова тянется к ручке, но в этот момент дверь распаивается, и в палату заходит медсестра:

– Время посещения закончилось. Вам пора уходить.

Я киваю, достаю из рюкзака влажные салфетки и несколько баночек детского пюре, аккуратно расставляя их на прикроватной тумбочке. Закидываю рюкзак за спину и наклоняюсь, чтобы поцеловать маму на прощание:

– Я приду завтра, рано утром. Принесу твой любимый йогурт с черникой и сама покормлю тебя. Отдыхай, набирайся сил, моя родная.

Мама пытается улыбнуться искривленным ртом, и эта неловкая попытка снова разбивает мое сердце. Мысленно успокаиваю себя, что все будет хорошо, мы с мамой со всем справимся. На выходе из комнаты указываю медсестре на детское питание и почти умоляю покормить маму, когда она проголодается. Спускаюсь в регистратуру и спрашиваю, могу ли я поговорить с доктором Соколовым.

– Андрей Владимирович уже ушел, – отвечает женщина, глядя на часы на стене. – Его рабочий день закончился. Он будет завтра с восьми утра.

Я киваю, чувствуя, как что-то внутри меня обрушивается вниз. Я так надеялась поговорить с ним уже сегодня, узнать больше о состоянии мамы, о прогнозах, о том, что нас ждет дальше.

– Я поняла, спасибо, – произношу я с вынужденным смирением и отхожу от стойки.

Понимаю, что не могу заставить себя покинуть больницу, поэтому опускаюсь на металлическую белую лавочку в коридоре, напротив огромного окна. Мысль о возвращении в свою бывшую квартиру, где мама делила пространство со Стасом и его семьей, вызывает почти физическую боль, меня тошнит от волнения. И дело не только в натянутых отношениях с братом. Дело в Руслане, который снова и снова вторгается в мои мысли. Он знает мой адрес, а теперь знает, что я вернулась в город. Это абсолютно в его стиле – внезапно возникнуть на пороге и требовать разговора. Только вот какого черта ему от меня нужно?

Зачем Руслан заговорил со мной сегодня? После того, как предал, разрушил всю мою жизнь до основания, растоптал веру в людей. Впервые с горьким сожалением думаю о том, что зря отвергла предложение Кирилла вчера вечером. Сейчас бы просто продемонстрировала Руслану кольцо на безымянном пальце и послала его к черту. Вот и весь разговор.

Сижу в больничном коридоре уже почти час, периодически переписываясь с Кириллом. Мимо меня снуют медсестры, дежурные врачи, пациенты, но постепенно поток людей

становится меньше. За окном сгущаются сумерки, а усталость накатывает беспощадными волнами, хотя часы показывают всего девять вечера, а по московскому времени и вообще всего пять.

Сегодняшний день был бесконечным. Сначала утром мы с Кириллом собрали мои вещи, чтобы освободить комнату в общежитии. Основную часть вещей Кирилл отвез родителям на хранение, а что-то я забрала с собой. Затем был долгий изнурительный перелет, неловкое знакомство с семьей брата, еще и эта неожиданная встреча с Русланом, потом больница и мама, такая беспомощная, такая не похожая на себя. И вот теперь мне нужно возвращаться в квартиру, которая когда-то была моим домом, но теперь ощущается чужой территорией.

Я должна была снять номер в гостинице. Это было бы разумнее. Но сейчас слишком поздно, и я смертельно устала, чтобы искать отель на ночь, да и вещи все равно остались у брата. Тяжело вздыхаю и достаю телефон. Пора вызывать такси. Как бы мне ни хотелось оттянуть неизбежное, я не могу провести ночь на больничной скамье.

Машина приезжает быстро. Сажусь на заднее сиденье и уточняю адрес. Водитель кивает и трогается с места. Я прижимаюсь лбом к холодному стеклу, наблюдая, как город постепенно погружается во тьму. Вспыхивают уличные фонари, безжалостно возвращая меня в далекое прошлое, где мы с Русланом кружили по вечерним улицам на его байке. Вот

почему я так отчаянно не хотела сюда возвращаться. Здесь каждая улица, каждый поворот хранят воспоминания о моей неудавшейся первой любви.

Через двадцать минут такси останавливается около до боли знакомого подъезда. Расплачиваюсь и выхожу, окунаясь в вечернюю прохладу. Уже почти стемнело, и двор освещается только тусклым светом парочки работающих фонарей. Неторопливо иду к дому, и внезапно меня охватывает странное чувство. Будто кто-то смотрит на меня. Ощущаю этот взгляд физически, как прикосновение к коже, которое оставляет невидимые ожоги.

Резко оборачиваюсь, но никого нет. Только группа подростков шумит на детской площадке, не обращая на меня никакого внимания. Качаю головой. Это уже паранойя. Просто нервы натянуты до предела после всего пережитого за последние два дня. Мне нужно отдохнуть.

Но все же я ускоряю шаг и быстро подхожу к домофону. Набираю номер квартиры и после характерного звука открытия двери проскальзываю в подъезд. Поднимаюсь на третий этаж, вижу, что дверь квартиры приоткрыта. Нерешительно захожу внутрь, и Лера тут же выглядывает из бывшей комнаты Стаса.

– Ань, проходи. Стас на работе, в ночную. Я Дашу укладываю. Иди пока на кухню, я скоро подойду, – говорит она и закрывает за собой дверь в комнату.

Молча киваю в пустоту, разубаюсь и направляюсь на кух-

ню. Здесь почти ничего не изменилось. Тот же кухонный гарнитур, тот же холодильник. Только теперь дверца украшена детскими магнитиками и прикрепленным ярким рисунком.

Подхожу ближе, чтобы рассмотреть детское творение. На нем изображены три фигуры – две женщины и маленькая девочка посередине. Под фигурами подписи: «мама», «бабушка» и «Даша». Я замечаю, что на рисунке нет мужской фигуры, нет «папы», и это заставляет меня насторожиться.

– Это Даша нарисовала для бабушки, – раздается голос за спиной, заставляя меня вздрогнуть. – Я прикрепил на холодильник, чтобы не забыть передать.

Киваю, не находя слов. Лера выглядит напряженной, словно мое присутствие причиняет ей физический дискомфорт.

– Чай будешь? – спрашивает она, подходя к электрическому чайнику, который я дарила маме на Восьмое марта еще будучи школьницей.

– Да, спасибо, – отвечаю я, опускаясь на стул.

Странное ощущение – быть гостем в доме, который когда-то был твоим. Видеть, как другая женщина хозяйничает на кухне, где когда-то готовила твоя мама. Где ты сама в детстве делала уроки за этим же столом, пила чай с мамой и строила воздушные замки, мечтая о будущем.

Чайник закипает, Лера ставит передо мной кружку, которой раньше не было в доме, и сама садится напротив. Она молчит, нервно вертя в руках свою чашку, явно не зная, как

начать разговор.

– Как там Людмила Михайловна? – наконец спрашивает она.

– Не очень, – отвечаю я, гипнотизируя взглядом чайный пакетик, медленно окрашивающий воду. – С врачом сегодня не удалось поговорить. У нее левая сторона вся парализована, а правой она управляет с трудом. Как это вообще произошло? Были ли какие-то предпосылки к инсульту? Может, она из-за чего-то сильно переживала?

Замечаю, как Лера на мгновение меняется в лице, а потом опускает глаза, избегая моего взгляда.

– Да все как обычно. Людмила Михайловна вечно за что-нибудь переживала. За тебя, за Стаса, теперь вот за Дашку.

Молча киваю, понимая бессмысленность дальнейших расспросов человека, который явно не хочет отвечать. Думаю, что мама сама все расскажет, как только к ней вернется способность говорить или хотя бы писать полноценные предложения, не прикладывая горы усилий.

– Ань, ты... – начинает она, затем останавливается, будто подбирая слова. – Ты сегодня можешь переночевать в маминной комнате. Там все готово. Она заняла твою, когда я переехала жить сюда.

– Хорошо, спасибо, – дежурно отвечаю, отпивая горячий чай.

– А что ты планируешь делать дальше? – спрашивает Лера, и ее голос звучит неуверенно. – Где ты будешь жить? И...

и Людмила Михайловна, когда ее выпишут?

Она снова опускает глаза, будто стыдясь собственных вопросов. Я не планировала здесь задерживаться, но то, что она фактически выгоняет маму из ее собственного дома, заставляет мою кровь закипать от ярости. Мою маму, которая всю жизнь работала на износ, чтобы мы со Стасом ни в чем не нуждались. Которая отдавала нам последнее. Которая тянула на себе Стаса, сидевшего на ее шее годами. Как можно быть такой бессердечной?! В конце концов, это же мамина квартира, черт возьми!

Кажется, все читается на моем лице, потому что Лера торопливо продолжает:

– Ты же понимаешь, – она все еще избегает моего взгляда, – здесь мы все не поместимся. Мы и так друг у друга на головах ходим, комнаты маленькие. А тут еще человек, который... который не может себя обслуживать.

Клянусь, если бы не маленький ребенок, я бы нашла способ выкинуть из квартиры этих двух нахлебников.

– Не переживай, – говорю я ледяным тоном. – Я сниму квартиру для нас с мамой. На время ее реабилитации.

Я резко поднимаюсь из-за стола, собираясь уйти, но Лера останавливает меня.

– Ань, это не мои слова, – говорит она тихо. – Стас... он...

Я смотрю на нее сверху вниз и чувствую, как ярость пульсирует в висках.

– Неважно, – отрезаю я. – Раз ты озвучиваешь это, значит,

вы заодно. И позволю напомнить – эта квартира принадлежит маме, а не Стасу.

Лера снова опускает глаза, и я вижу, как ее плечи сгибаются под невидимой тяжестью. Выхожу из кухни, ощущая внутри бурю противоречивых эмоций. Гнев на Стаса, на Леру, на ситуацию в целом. Но в то же время я понимаю, что сама не стала бы здесь оставаться дольше чем на одну ночь. И тем более не стала бы жить здесь с мамой и делить быт с братом и его семьей. Но все равно они не имеют права выгнать ее из собственного дома. Беспомощный человек выйдет из больницы, а ей идти некуда. Стас и раньше был говнюком, а сейчас просто превзошел сам себя.

Завтра же с утра займусь поиском квартиры. Сразу буду искать побольше, с отдельной комнатой для мамы. Денег, которые я копила на отпуск, хватит на аренду на первое время. А потом просто устроюсь на работу. Я справлюсь. Мы с мамой справимся.

Захожу в теперь мамину, а раньше мою комнату и закрываю за собой дверь. Удивительно, но здесь практически ничего не изменилось с того дня, когда я была здесь в последний раз. Только на столе и подоконнике появились орхидеи. Нужно будет забрать их в съемную квартиру. Уверена, что здесь за ними никто не будет ухаживать.

Опускаюсь на кровать и закрываю лицо руками, чувствуя, как усталость наваливается неподъемным грузом. Внезапно раздается робкий стук в дверь. Лера спрашивает разреше-

ния войти и, не дожидаясь ответа, проскальзывает в комнату. Она подходит ближе и протягивает мне банковскую карту.

– Вот, возьми, – произносит она едва слышно. – Это мамина карточка, на нее пенсия приходит. Стас сказал спрятать, но будет правильнее отдать ее тебе. Я знаю, что маме предстоит дорогостоящая реабилитация, нужны лекарства. Это хоть немного поможет.

Я принимаю пластиковый прямоугольник с маминым именем, чувствуя, как что-то внутри меня оттаивает. Возможно, Лера не такая уж бездушная, как мне показалось.

– У тебя не будет проблем из-за этого? – настороженно спрашиваю я.

– Разберусь, – отмахивается Лера.

Она разворачивается к выходу, но на этот раз я останавливаю ее.

– Лер, у вас все нормально со Стасом? – спрашиваю я, вспоминая детский рисунок без папы, напряженное лицо Леры, ее изможденный вид и следы старых синяков на тонком запястье.

– Мы обычная семья, – отвечает она после гнетущей паузы. – Каких сотни тысяч в нашей стране...

И с этими словами Лера выходит из комнаты, оставляя меня наедине с мрачными догадками...

Глава 6. Анна Богданова

Золотистые лучи утреннего солнца пробиваются сквозь полупрозрачные шторы, рисуя на стене причудливые, танцующие узоры. Я с трудом разлепляю веки, на мгновение не понимая, где нахожусь. Но почти сразу же реальность обрушивается на меня безжалостной, оглушительной волной – я в своей старой комнате, в квартире детства, которая теперь кажется музеем прошлой жизни. В месте, где я абсолютно чужая.

Рывком сажусь на скрипучей кровати, потягиваюсь до хруста в позвоночнике и пытаюсь собрать разбегающиеся мысли. Часы показывают 8:20. Для меня это непозволительно поздно, хотя по московскому времени сейчас еще царит глубокая ночь. Встаю одним движением и достаю из чемодана чистые джинсы и футболку. Переодеваюсь быстро, почти механически, как робот. Странное ощущение – стоять в комнате своего детства, среди выцветших обоев и потертой мебели. Кажется, будто время здесь остановилось, застыло, а вот я продолжила идти вперед.

Осторожно, затаив дыхание, открываю дверь – привычка из прошлого, когда я боялась лишней раз выйти из комнаты, чтобы не привлечь внимание вечно раздраженного брата, но в квартире стоит тишина – глубокая, почти осязаемая. Иду на кухню, чтобы, как обычно, выпить стакан воды натощак,

и замечаю на столе лист бумаги.

«Стас вернется после девяти утра. Будешь уходить, захлопни дверь. Вот мой телефон для связи».

Ниже – номер. Я невольно усмехаюсь. Человек, живущий в квартире моего детства, дает мне указания захлопнуть дверь, словно я случайная гостя, забредшая на ночлег. Впрочем, ведь так оно и есть.

Иду в ванную, с наслаждением умываюсь холодной водой, которая прогоняет остатки сна и тревожных мыслей, а затем возвращаюсь в комнату и начинаю собирать вещи. Их немного – я толком ничего не распаковывала вчера, зная, что проведу здесь не дольше одной ночи. Складываю одежду в чемодан, проверяю документы, деньги. Все на месте, мне пора уходить. Если честно, не хочу пересекаться с братом лишний раз. Не потому, что боюсь, нет. Я больше не та маленькая девочка, которая ходила в собственном доме тише воды ниже травы, боясь попасться ему на глаза. И он тоже это понимает, поэтому вряд ли осмелится снова поднять на меня руку. Вместо страха ощущаю омерзение, мне противно его присутствие.

Перед выходом еще раз окидываю взглядом комнату, и сердце болезненно сжимается. Здесь прошло все мое детство, здесь я мечтала о будущем, строила планы, плакала в подушку, смеялась до колик. Здесь я приняла судьбоносное решение уехать в Москву. И вот я снова стою посреди той самой комнаты, но это больше не моя крепость, не мое при-

станции. Точно знаю – сегодня я буду ночевать в другом месте, а сюда не вернусь. Разве что за мамиными вещами и орхидеями, которые сиротливо стоят на подоконнике, поникнув хрупкими стеблями, словно понимая, что они здесь никому не нужны. Чем-то мы с ними даже похожи. Через минуту закрываю дверь квартиры, и щелчок замка звучит как точка в предложении – конец одной главы, начало другой, неизведанной и немного пугающей. Жизнь продолжается, и у меня нет другого выбора, кроме как идти вперед.

Первым делом захожу в магазин за маминым любимым черничным йогуртом и еду в больницу. Около часа я провожу с ней – рассказываю, как прошло вручение диплома, как познакомилась с Дашенькой и Лерой. Медсестра сказала, что мама снова может глотать, поэтому я помогаю ей позавтракать больничной едой – рисовой кашей и вареным яйцом. В конце завтрака мама уже сама держит ложку и подносит ее ко рту. Да, еще очень неуверенно и медленно, но это уже большой прогресс по сравнению со вчерашним днем. Замечаю, как ее глаза загораются искорками надежды после этой маленькой, но такой значимой победы. И сама чувствую, как гордость переполняет меня, и я не в силах сдержать счастливую, сияющую улыбку.

Помогаю маме попить компот через трубочку, и внезапно в палату заходит невысокий мужчина средних лет. На нем белый халат, а поверх прямоугольных очков на нас смотрят усталые, но внимательные глаза.

– Вы Анна? – спрашивает, обращаясь ко мне. – Как закончите, зайдите ко мне, пожалуйста. Двести третий кабинет на втором этаже.

– Здравствуйте. Мы можем поговорить сейчас, если удобно.

Он кивает, и мы с ним выходим в коридор. Я внутренне готовлюсь к сложному разговору. Сердце стучит быстрее, но я стараюсь держаться спокойно и уверенно.

– Я доктор Соколов, лечащий врач вашей мамы. Мы с вами разговаривали по телефону, – представляется он. – Ее состояние стабилизировалось, но впереди еще долгий путь. Инсульт был обширным, затронуты речевые центры и моторика левой стороны тела.

– Сколько она пробудет в больнице? – спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, хотя внутри меня трясет от страха.

– Примерно неделю, может, чуть больше, потом ее можно будет забирать домой. Но, – он делает паузу, – скажу сразу, потребуется серьезная, комплексная реабилитация. Речь, движение – все это нужно восстанавливать.

Я киваю, с трудом сглатывая болезненную горечь в горле.

– Вы можете дать какие-то прогнозы?

– При правильной реабилитации шансы на восстановление достаточно хорошие. Но это требует времени, терпения и, к сожалению, немаленьких финансовых вложений.

– Скажите, а есть ли смысл перевозить маму в Москву? Я

там живу, может, там лечение лучше?

Врач задумчиво трет подбородок.

– Если у вас неограниченные финансовые возможности, то почему нет. Но смотрите, в Москве такой курс реабилитации будет стоить в два, а то и в три раза дороже. А у нас в городе есть свой хороший центр, с современным оборудованием, недавно построили.

Он достает из кармана халата визитку и протягивает мне:

– Вот, возьмите на всякий случай. Мы с ними тесно сотрудничаем. У пациентов после него очень хороший прогресс наблюдается. Один курс будет стоить от ста тысяч рублей. На выписке я дам вам список препаратов, которые нужно будет купить дополнительно.

Я смотрю на прямоугольную карточку и ощущаю, как холод пробегает вдоль позвоночника. Если этот курс стоит здесь сто тысяч и еще нужно покупать дополнительно лекарства, то сколько это будет стоить в Москве? Про заоблачные цены на съемное жилье я вообще молчу – это целая финансовая пропасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.